

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

И. М. Захарова

ПЕРВЫЙ ШВЕДСКИЙ РЕЗИДЕНТ ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ ИОГАНН МЁЛЛЕР, ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА РУКОПИСЕЙ И ДОКУМЕНТОВ ОТДЕЛА ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

XVII век в истории Российской государственности занимает особое место. Начавшись Смутой, интервенцией, временем разрушения государственных устоев, период первой половины XVII века ознаменован восстановлением России, приходом к власти и укреплением новой династии Романовых. Восстановление государства включало в себя не только меры по укреплению внутреннего положения, но и выработку нового внешнеполитического курса, направленного на возвращение утраченных в начале XVII века земель, поиск союзников и достижение стабильности в международной политике Европы первой половины XVII века.

Важную роль во внешней политике России в XVII веке играли отношения Московского государства с ближайшим соседом — Швецией. Практически всю первую половину XVII века оба государства мирно сосуществовали, причем Швеция наращивала свое могущество как сильнейшая держава Европы, а Московское царство изживало последствия Смуты. Период с 1618 по 1632 гг. характеризуется политикой наибольшего сближения двух государств на экономической и военной почве. Внешнеполитические курсы, выработанные как царем Михаилом Федоровичем и, даже в большей степени, патриархом Филаретом, так и шведским королем Густавом II Адольфом, были направлены на установление союзнических отношений и борьбу с общим врагом — Речью Посполитой.

Кульминацией политики сближения России и Швеции стал период конца 1620-х — 1632 гг., когда оба государства находились на пути к заключению военного союза против Польши. Особую роль в этом процессе сыграл представитель шведского королевского двора в Москве Иоганн (Яган) Мёллер (Моллер), чья биография до сих пор не стала предметом специального изучения.

Некоторая информация о деятельности Мёллера содержится в исследованиях дореволюционных историков. Так, в монументальном труде С. М. Соловьева содержатся сведения о том, что в 1631 г. «...впервые явился при московском дворе шведский агент Яган Мёллер»¹. Разъясняя роль агента, шведский король писал Михаилу Федоровичу, что «Мёллер будет исправлять все дела легче и с меньшими издержками, что такие лица и при иных великих королях и государях живут»². Такое разъяснение было важным для российской дипломатии, так как в истории России Яган Мёллер был первым постоянным дипломатическим агентом³.

В работе К. И. Якубова⁴ также содержатся указания на то, что Мёллер являлся не торговым агентом, а именно дипломатом на постоянной основе. В частности, исследователь сообщал, что на создании постоянного дипломатического представительства в Москве настаивал Густав Адольф, желавший установить как можно более тесные отношения с Россией, надеясь извлечь из них как экономические, так и военные выгоды. В Европе и России того времени на иностранных посланников смотрели подозрительно, но из желания иметь в союзниках «снежного короля» царь Михаил Федорович и патриарх Филарет согласились принять в Москве в качестве постоянного шведского резидента Ягана Мёллера⁵.

Наиболее полная информация о деятельности Мёллера содержится в фундаментальном труде Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, (1544–1648)»⁶. Форстен, на основании корпуса донесений Мёллера Густаву II Адольфу, хранящихся в шведских архивах и датированных 1631–1632 гг., описывает взаимоотношения между Россией и Швецией в треугольнике Россия, Швеция, Польша. Так, согласно донесению Мёллера от 14 октября 1631 г. Густаву Адольфу московский царь Михаил Федорович передавал «снежному королю» просьбу о вербовке для него в Германии немецких наемников, выражал пожелание еженедельно получать известия от шведского короля, а при личных встречах с Мёллером интересовался, «нет ли каких-либо сведений о Густаве Адольфе»⁷.

Однако главной целью пребывания Мёллера в Москве было склонить Михаила Федоровича к войне с Польшей, что было чрезвычайно выгодно Швеции. Для этого шведский агент расспрашивал царских бояр, почему царь медлит с решением польского вопроса, получая следующие отве-

ты: «...московский царь не успел еще собрать достаточного количества войска; татары также не присылают ему обещанной помощи; не приходят и немецкие наемники»⁸. В результате Мёллер самостоятельно пришел к догадке о том, что если бы Михаил Федорович имел возможность возвращения северских земель мирным путем, то не стал бы готовиться к войне с Речью Посполитой, так как «...по природе своей Московский царь не воинственный государь и всего раз выходил в открытое поле»⁹.

В одном из писем Мёллер жаловался Густаву Адольфу на перлюстрацию по воле царя и патриарха его переписки со шведским генерал-губернатором Лифляндии Юханом Шютте, ранее являвшимся учителем шведского короля¹⁰. По словам Мёллера бояре очень испугались, узнав, что Мёллеру известны эти факты и просили ничего не сообщать об этом шведскому королю. Мёллер не сдержал своего обещания, при этом обещал, в свою очередь, Густаву Адольфу, вероятно, в расчете на свой авторитет в Москве, что это более не повторится¹¹. В этом же письме шведский агент сообщал о плохом содержании русскими немецких наемников по причине того, что московский царь неохотно расставался с деньгами, из-за чего наемники хотят вернуться в Германию¹². Данный факт подтверждается «отписками» в Разрядный приказ боярина М. Б. Шеина в августе 1632 г., сообщавшего о том, что «...государева жалованья кормовых денег русским и немецким людям к нам августа по 28-е число не присылавано...»¹³.

Впрочем, шведский король также не отличался щедростью по отношению к людям, находящимся у него на службе. Так, Мёллер неоднократно просил его о присылке средств, так как ему часто приходилось принимать у себя великих бояр, которых «...нельзя отпускать без приличного угощения, — иначе унижена будет честь королевская»¹⁷.

Занимался шведский дипломат и вопросами продолжавшихся поставок для Швеции русского хлеба. Так, из его донесения от 30 июля 1632 г. известно, что ему удалось добиться «...уступки шведам хлеба по 20 рублей ласт», а также «...выговорить себе право закупить и в будущем 1633 году для своего правительства 50 000 четвертей зерна...»¹⁵.

Находясь на службе в Москве, Мёллер не забывал и о шведских экономических интересах в Юго-Западной Азии. Так, он стремился добиться от русского царя эксклюзивного права для шведских купцов на участие в персидской торговле¹⁶, осуществлявшейся посредством транзита через российскую территорию. Данный сюжет, Впрочем, интересовал не только Швецию, но и другие европейские державы в лице Англии, Голландии и Франции, также требовавшие предоставления им права ведения транзитной торговли с Персией в обмен за признание Михаила Федоровича царем. Необходимо отметить, что, несмотря на сложное внешнеполити-

ческое положение Московского государства, российская дипломатия сумела отказать по этому вопросу всем заинтересованным сторонам¹⁷.

Тогда же Мёллер сделал не оправдавшийся, как показало будущее, прогноз относительно вступления России в 1632 г. в войну с Польшей. По его сведениям, «...артиллерия у русских еще не в порядке, недостает у них полковников, да и вообще войска их еще не достаточно подготовлены к войне»¹⁸. Однако уже в следующем донесении от 14 августа 1632 г. Мёллер сообщал Густаву Адольфу «...о движении русских войск в пределы Польши под начальством полковников Лесли, Шелля, Унзинга и др.»¹⁹. На этом заканчиваются сведения Форстена о дипломатической миссии Мёллера в Москве по причине сошествия с исторической арены, как самого дипломата, так и его государя. 6 (16) ноября 1632 г. умер от ранений в голову, руку и спину, полученных в битве при Лютцене, Густав Адольф²⁰. В августе того же года скончался в Москве и Иоганн Мёллер²¹.

Определенное внимание деятельности Мёллера уделено и в работе Б. Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства»²². Так, Б. Ф. Поршнев, используя материалы фонда «Дела шведские» РГАДА, называет Мёллера крупным военным специалистом, доверенным человеком короля Густава Адольфа²³. С 3 марта 1631 г. Мёллер стал постоянным шведским резидентом в Москве и «открыто взял на себя функции военного инструктора по вопросам саперного вооружения и фортификации»²⁴. Не оставил своим вниманием Поршнев и деятельность Мёллера как посредника между русским и шведским правительствами, проводившего линию своего короля на побуждение России ко вступлению в войну с Речью Посполитой. Так, Мёллер первым привез в начале 1631 г. в Померанию Густаву-Адольфу известие из Москвы о военных намерениях и приготовлениях российского правительства по отношению к Польше²⁵.

На дипломатическом поприще шведский агент показал недюжинные таланты, расписывая благоприятные перспективы русско-шведского союза, который может действовать не только в военной плоскости, но и в экономической сфере. По инициативе Мёллера (с одобрения короля) в Москве был отпразднован триумф шведского оружия над основными силами Империи в сражении при Брейтенфельде (17 сентября 1631 г). 2 ноября 1631 г. в присутствии царя состоялся военный парад и салют, а в церквах служились молебны. В народном гулянии приняли участие 60 тысяч человек²⁶. Мёллер доносил Густаву-Адольфу о том, что «никогда... в Москве не праздновали так торжественно чьей-либо победы»²⁷.

Мёллер сообщал королю о подготовке русской армии к войне с Речью Посполитой, о переговорах Москвы с другими государствами, о закупках русского хлеба²⁸. В обязанности Мёллера также входило добиваться сни-

жения цены на рожь, продаваемую Швеции, в чем он также преуспел²⁹. Наконец, Поршневу приводит сведения о смерти Иоганна Мёллера в Москве 21 августа 1632 г.³⁰, связывая кончину дипломата с некими волнениями, не разъясняя при этом, что имеется ввиду. Можно предположить, что волнения были связаны с подготовкой России летом 1632 г. к вступлению в войну с Польшей. После смерти Мёллера его обязанности по 1634 г. официально исполняла его вдова, Катарина Стопия — первая женщина-дипломат в истории Швеции³¹.

Интересные сведения о Ягане (Юхане) Мёллере содержатся в диссертационном исследовании О. Н. Мироновой³², которая посвятила шведскому дипломату отдельный параграф своей работы. Так, Миронова, основываясь на документах, отложившихся в фонде «Дела шведские» РГАДА, сообщает любопытные бытовые подробности о жизни шведского агента в Москве. Известно, что Мёллера поселили на шведском купеческом дворе, построенном в Белом городе на Тверской улице в ее углублении к Никитской, возле церкви св. Николая Чудотворца в Гнездняках. Только после приезда Мёллера здание «свейского купеческого двора» было приспособлено для проживания. Во время пребывания в Москве Мёллер пользовался большой свободой и был обеспечен «кормом» со стороны московского государства³³. Ему также разрешили закупить впрок припасов, среди которых числились «6 бочек питья заморского, бочка сельдей, бочка рыбы палтусины, бочка масла коровья, 3 пуда рыбы трески сухие, пол бочки уксусу винного... бочка пряных зелей и сахаров, несколько бочек рыбы камбалы сухи»³⁴. С учетом приезда Мёллера в Россию на постоянное жительство, ему разрешили перевезти к месту службы и жену с тремя детьми, которые прибыли в Москву 12 сентября 1631 г.³⁵

В разговорах с князем Б. И. Черкасским, который был посредником между шведским дипломатом и русским царем и патриархом, Мёллер сообщал, что у короля Густава-Адольфа «10 лет служил во дворе и потом тако ж служил конем и против недруга»³⁶. Можно отметить, забегая вперед, что эти факты из биографии шведского посланника полностью нашли свое подтверждение в материалах о Мёллере, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Также О. Н. Миронова указывает и на выполненные Мёллером при русском дворе функции разведчика³⁷.

Таким образом, по историографическим материалам вырисовывается портрет Ягана Мёллера — талантливого шведского дипломата, доверенного лица короля Густава-Адольфа, военного специалиста, сыгравшего немалую роль в выработке союзного договора между Россией и Швецией в политическом и экономическом сближении двух государств.

В реконструкции биографии Ягана Мёллера могут оказать немалую поддержку материалы Государственного Эрмитажа. В фонде рукописей

и документов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа хранятся документы, позволяющие дополнить биографию Иоганна (Ягана) Мёллера (Моллера)³⁸. Это жалованная грамота шведского короля Густава III, данная в 1781 г. уже российскому подданному Иоганну Моллеру, подтверждающая его принадлежность к старинному шведскому дворянскому роду Моллеров. Грамота Густава III содержит текст более ранней жалованной грамоты также шведского короля, последнего представителя по мужской линии династии Ваза, Густава II Адольфа, о возведении в 1631 г. в дворянское достоинство основателя рода, дипломата Иоганна Моллера с пожалованием ему дворянского герба и земель в Ингерманландии. Таким образом, в нашем распоряжении имеются по сути две жалованных грамоты шведских королей представителям рода Моллер, позволяющие пролить свет как на биографию шведского резидента Иоганна Мёллера, так и носящего его же имя потомка — статского советника, подданного российской империи на русской службе.

Эти документы поступили в Государственный Эрмитаж в 1955 г. из Государственного музея Революции, куда в свою очередь попали по распоряжению Главного исполнительного комитета НКВД РСФСР 21 ноября 1938 г. Это все, что на данный момент известно о провенансе грамоты. Можно лишь предполагать, что в структуры НКВД грамота могла попасть от кого-либо из репрессированных в 30-е гг. XX в. потомков рода Моллеров.

Жалованная грамота Густава III представляет собой рукопись на 6 листах на шведском языке, датированную 1781 г. Белая дата в филигранной бумаге отсутствует³⁹.

Грамота заключена в красный сафьяновый переплет с золотым тисненым вензелем «GIII» в центре, с тисненой золотом рамочкой, в углах которой по 3 короны, являющиеся основным символом Швеции с XIV в.; с вислой сургучной печатью красного цвета в деревянной кустодии на шелковом шнуре. Печать представляет собой большую королевскую печать Густава III с гербом посередине и надписью слева направо по окружности на латинском языке, означающей титулатуру шведского короля⁴⁰. Передний и задний форзацы орнаментально-декоративные из мраморной бумаги. На обороте третьего листа рукописи имеется автограф шведского короля Густава III⁴¹.

В состав рукописи входит написанная на пергаменте копия грамоты Густава II Адольфа о возведении в дворянское достоинство Иоганна Моллера и о пожаловании ему дворянского герба, который воспроизведен акварелью. В грамоту вплетен отдельный пергаментный лист с изображением неполного родословного древа рода Моллеров, доведенного до 1768 года. Родословное древо написано на русском языке. К грамотам

шведских королей прилагается шитый в отдельную тетрадь из 6 листов под обложкой из «сахарной» бумаги перевод грамот со шведского на русский язык. Предположительно, перевод исполнен в России в период с 80-х гг. XVIII в., но не позднее 10-х гг. XIX в., о чем свидетельствует уже упоминавшаяся обложка из «сахарной» бумаги, которая изготавливалась на Петербургских бумажных мельницах и имела хождение в России лишь в указанный период.

Из текста жалованной грамоты Густава Адольфа Иоганну Мёллеру, данной в Штетине 28 февраля 1631 г., вырисовываются некоторые подробности биографии шведского дипломата. Так, Мёллер являлся уроженцем Риги, после завоевания которой Швецией, осенью 1621 г. перешел в шведское подданство, переведя свое имущество в Эстляндию. В том же 1621 г. поступил на военную службу, вероятно, в шведские рейтарские роты (в тексте грамоты — «был конным войном»), участвовал в шведско-польской (в тексте грамоты — «лифляндской») войне начала 1620-х гг. «...при всяком случае против неприятелю содержал себя чесно, причем и другие поручаемые ему в разные времена доверенности исполнял исправно к нашему милостивому благоволению...»⁴². Характеристика Мёллера, данная шведским королем, подтверждает рассказы самого дипломата князю Б. И. Черкасскому о его десятилетней придворной и военной службе Густаву Адольфу.

За выказанные на поле брани храбрость и доблесть и прекрасное исполнение королевских поручений в 1631 г. Мёллер был возведен с потомками из простого в дворянское звание города Риги и пожалован дворянским титулом и гербом. Основанием для возведения в дворянство, бесспорно, явились заслуги Мёллера перед шведской короной. Однако следует иметь ввиду, что причисление Мёллера к дворянству состоялось 28 февраля 1631 г., а уже с 3 марта он был назначен постоянным агентом в Москву. Вероятно можно предположить, что Густав Адольф понимал, что отправлять к московскому двору человека простого звания неуместно, с чем и связано срочное награждение дворянским титулом будущего дипломата.

Данная грамота также подтверждала право владения Мёллером пожалованными ему в 1621 и 1624 гг. Норрчепингским приговором землями в Ингерманландии. Так, в Копорском лене, Григорьевском погосте ему были пожалованы гоф или мыза Лильенгаген, которая раньше называлась Конец, с принадлежащими ей деревнями Ушевиц, Загориц, Готиновиц, Коложиц, Роспулиц⁴³. Пожалование дворянских титулов и земельных владений было частью социально-экономической и сословной политики шведских монархов в XVII веке, что было обусловлено постоянными войнами и присоединением к шведской короне новых территориальных владений⁴⁴.

Сделав Иоганна Мёллера титулованным дворянином и землевладельцем, Густав Адольф в грамоте сообщает: «по всему дружелюбию мы просим всех высоких властей — государей, князей, равно и других всех милостиво просим помянутого Иоанна Мёллера с законными его потомками, рожденными и впредь рождаемыми действительными дворянами признавать, и оказывать сему званию подобающую честь и почтение, какое сему званию подлежит...»⁴⁵. Данная просьба шведского короля «ко всем высоким властям» за несколько дней до назначения Мёллера резидентом в Москву подтверждает наши предположения о том, что возведение в дворянство Мёллера произошло, помимо признания его заслуг, по причине предстоящего существенного повышения его статуса.

Еще одним фактом в пользу того, что дворянство было пожаловано Мёллеру в расчете на предстоящую службу на дипломатическом поприще, является эмблема герба рода Мёллеров с соответствующей геральдической символикой. В грамоте содержится описание герба: «Щит разделенный по полам в верхней половине в желтом поле тигр, значит Расторопность, Отважность, и Быстроту. — В нижней половине зеленый лес, чрез который протекает быстрая река, в которой три лосося, значит Герб города и крепости Нарвы. Быстрая река Нарова, граница Эстляндии — от Ингерманландии, в коей шведскому агенту Иоану Моллеру жаловано имение. Над щитом шлем с золотым венком значит Награда за Достоинство, над шлемом два крыла значит Посольство. — Между крыльями вооруженная Десница, подносящая Белою Лилею, значит мирное Заимодействие. Звезда в крыле Честь»⁴⁶.

Помимо биографических фактов об основателе рода Мёллеров в грамоте Густава III содержатся сведения об одном из его потомков — статском советнике, уже российском подданном, директоре ломбарда и кавалере Иване Моллере, который инициировал выдачу ему копии жалованной грамоты о дворянстве его предка. Это и явилось причиной появления грамоты Густава III, своей королевской властью восстановившего благородный род Моллеров во всех правах, пожалованных Густавом Адольфом предку последнего.

Таким образом, документы, хранящиеся в Эрмитаже, дополняют важными сведениями биографию первого шведского резидента при российском царском дворе — Иоганна Мёллера, — высвечивают события, происходившие в последние годы его жизни, а также дают возможность провести историко-генеалогическое исследование рода Моллеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М., 1961.

² Там же. С. 135–136.

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3-х т. М., 2002. Т. 1. С. 5.

⁴ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1897. Кн. III (182).

⁵ Там же. С. VIII–IX.

⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (Тридцатилетняя война). СПб., 1894.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ Там же. С. 367–368.

⁹ Там же. С. 368.

¹⁰ Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 176.

¹¹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 368.

¹² Там же. С. 368.

¹³ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 382. № 384.

¹⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 368.

¹⁵ Там же. С. 369.

¹⁶ Там же. С. 369.

¹⁷ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 1959. С. 293.

¹⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 369.

¹⁹ Там же. С. 369–370.

²⁰ Adams S. The Thirty Years' War. London, New York. 2005. P. 118.

²¹ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 30.

²² Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

²³ Там же. С. 241.

²⁴ Там же. С. 241, 257.

²⁵ Там же. С. 258.

²⁶ Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI–XVII столетиях. СПб., 1893. Вып. II. С. 129–130. № 54.

²⁷ Там же. С. 131. № 55.

²⁸ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. С. 291.

²⁹ Там же. С. 292.

³⁰ Там же. С. 314.

³¹ Там же. С. 314.

³² *Миронова О. Н.* Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Рязань, 2009.

³³ Там же. С. 151.

³⁴ Цит. по: *Миронова О. Н.* Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг. С. 152.

³⁵ Там же. С. 152.

³⁶ Цит. по: Там же.

³⁷ Там же. С. 167.

³⁸ Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Далее: ОИРК ГЭ). Инв. № ЭРДр-1769.

³⁹ Бумага Голландской мануфактуры «Honig, Cornelis & Jacob» (Zaandyk) с филигранями: «Strasburg bend», литеры «С & I Honig» (*Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. N 429*).

⁴⁰ Король Шведов, Готов и Вендов.

⁴¹ ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Л. 3 об.

⁴² ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Перевод. Л. 2 об.

⁴³ По-русски Ушевицы, Загорицы, Готиновицы, Коложицы, Роспулицы (Там же. Л. 3 об. — 4).

⁴⁴ *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994. С. 37.

⁴⁵ ОИРК ГЭ. Инв. № ЭРДр-1769. Перевод. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Л. 5 об.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Московского государства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. XLIV. 767 с.

Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI–XVII столетиях. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. Вып. II. IV. 184 с.

Андерссон И. История Швеции. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 408 с.

Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм: Бра Бэккер Швед. ин-т, 1994. 147, [5] с.

Кан А. С. Россия и Швеция в прошлом и настоящем. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1999. 359 с.

Коваленко Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. СПб.: «Крига», 2018. 353 с.

История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. С. 1959. 896 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.

Миронова О. Н. Русско-шведские дипломатические отношения в 1618–1632 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Рязань, 2009. 208 с.

Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М.: Наука, 1993. 268 с.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 606 с.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., Наука, 1976. 435 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9–10. М.: Соцэкгиз, 1961. 755 с.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (Тридцатилетняя война). СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1894. 642 с.

Шведы в Москве. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 283 с.

Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1897. Кн. III (182). 581 с.

Adams S. The Thirty Years' War. London; New York: Routledge, 2005. XLV, 316 p.

Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam: Menno Hertzberger & Co., 1935. 432 p.